

БИБЛИОГРАФІЯ

Александр Гингер. Жалость и Торжество. Третья книга стихов. — Париж, 1939 г.

В современной русской (зарубежной) поэзии Гингер стоит особняком — он ни на кого не похож, не связан ни с какими литературными течениями. Он оригинален рѣшительно во всем — начиная со своего словаря и синтаксиса, кончая своим совершенно особенным мировоззрѣніем, которое я назвал бы великолѣпным равнодушіем. На каждой строчкѣ его стихотвореній, даже на самых простых строфах видна его собственная печать, и его стихи никогда не спутаешь со стихами других парижских поэтов:

Зовет меня, но тщетно, воля злая
Людей чужих.
Им не желаю ни добра, ни зла я,
Не вижу их.

Эта острая оригинальность, подчас настолько острая, что невольно начинаешь бояться — как бы не побѣдил поэта акробат и фокусник, конечно, оказывається очень многим не по душѣ. Читатель обыкновенно боится того, к чему надо привыкать, ему пріятно, если он сразу угадывает, откуда пришел данный поэт и куда он идет. С Гингером всѣ догадки бесполезны. Его очень трудно полюбить, да и он сам как будто очень мало заботится об этом — он мучительно боится всякой красоты, всего, чѣм можно соблазнить читателя. Но за то, раз полюбив, невозможно пройти равнодушно мимо его стихотвореній — они привлекают к себѣ, даже когда они бывают слабы: и в неудачах Гингер остается оригинальным и интересным.

В маленьком сборникѣ — на 43 страницах умѣстилось почти все, что Гингер написал за 15 лѣт! — есть одно стихотвореніе, которое хотѣлось бы особенно подчеркнуть: оно является как бы символом вѣры поэта, и в нем Гингер, быть может впервые, вполне открылся читателю:

Нѣтъ, я вырос без церкви, без быта.
Как же стало, что с каждой весной
Очевиднѣй, сильнѣе открыта
Глубина, ширина надо мной?

Сколько радости было дано мнѣ!
Эти сорок счастливейших лѣт.

Не бывает удача огромнѣй,
Не бывает блистательнѣй свѣт.

В этом стихотвореніи, написанном с предѣльной искренностью, — весь Гингер. Мы не настолько избалованы хорошими стихами, чтобы имѣли право пройти равнодушно мимо этих строк.

Сергѣй Осокин

И. А. Бунин. Лика. — Изд-ство «Петрополис», Брюссель.

Как ни восхищает все, написанное Буниным за послѣднія двадцать лѣт, «Жизни Арсеньева» все же принадлежит первое мѣсто среди этих, да и всѣх его писаній. Ничто не сравнится с медленным и неудержимым ритмом повѣствованія, с его спокойной силой и свободной широтой. Когда книга будет закончена, она займет одно из самых значительных мѣст в литературѣ нашего вѣка, к которой — что бы ни думали торопливые поклонники мнимой новизны — она существом своим принадлежит, перекликаясь с характернѣйшими из ея твореній, роднясь с ними уже и тѣм, что она — не роман, а пронизанное воображеніем воспоминанье и что к творчеству присоединяется в ней еще и мысль о творчествѣ, чувство творчества.

В той части ея, что названа «Лика», тема творчества сплетается с темой любви. Трагическій конфликт, в результатѣ котораго гибнет Лика и незаживающая рана открывается в душѣ Арсеньева, рожден жаждою творчества, рождающей в свою очередь такую жадность к жизни, которая неизбежно переплескивается за предѣлы всякаго отдѣльнаго жизненнаго содержанія. Как ни подлинна любовь Арсеньева, Лика не может быть единственным ея предметом, не столько потому, что рядом с ней есть другіе предметы, т. е. весь мір, сколько потому, что она безсильна задержать на себѣ любовь, которая как бы **сквозь** нее обращается ко всему в мірѣ. Грѣх Арсеньева по отношенію к Ликѣ прорастает на всѣх своих ступенях, не из распыленности его вниманія или чувственности, а из поглощенности всего его существа нѣкоей творческой задачей.

Самое ощущеніе этой задачи только еще у Пруста выражено с той же ясностью. «Я чувствовал, — читаем мы у него, — что еще не дохожу до самой глубины моего впечатлѣнія, что есть что-то за этим движеніем, за этим свѣтом, что-то, что как будто сразу и заключается в них и прячется за ними». Это очень родственно многому из того, что говорит Арсеньев, особенно его словам Ликѣ: «Есть чувства, которым я совершенно не могу противиться: иногда какое-нибудь мое представленіе о чем-нибудь вызывает во мнѣ такое мучительное стремленіе туда, гдѣ мнѣ что-нибудь представилось, то есть, к чему-то тому, что за этим представленіем, — понимаешь: за! — что не могу тебѣ выразить». Вниманіе одного писателя направлено больше на душевный мір, другого — на вещественный, конкретный, но пониманіе творчества у них одно. Юнаго Марселя мучит та-же потребность выраженія и та-же невыразимость вещей, что и его сверстника Арсеньева, и он мог бы повторить за ним: «Образовать в себѣ из даемаго жизнью нѣчто истин-

но достойное писанія — какое это рѣдкое счастье — и какой душевный труд!»

Двойным волненіем волнует «Лику»: картиной непрестанных, непрощающих, ранящих творческих усилий и зрѣлищем осуществленнаго творчества. Благословеніе завоевано борьбой, продолжавшейся всю жизнь. То, чего Арсеньев написать не мог, то теперь Бунинным написано. Точно из первозданной глины выльплены навѣк и толстая спина офицера «во всей его воинской сбруѣ», и «непорочно - праздничное платьице» Лики на балу, ея «озябшія, ставшія отрочески сирневыми руки», и пугающій бѣднаго Костеньку старухин мопс, «раскормленный до жирных складок на загривкѣ, с вылупленными стеклянно - крыжевенными глазами, с развратно переломленным носом, с чванной, презрительно выдвинутой нижней челюстью и прикушенным между двумя клыками жабым языком». Все досказано до конца, и музыка все же не убита. Рѣзкія зарисовки, выжженные каленым желѣзом точныя слова смѣняются страницами почти грознаго в своей не то скорби, не то радости органаго, нарастающаго ликованья, а вслѣд за надгробным рыданіем послѣдних глав идет самая послѣдняя — точно дыханья не хватило — три кратких записи, и голос упал: конец. — От первой до послѣдней страницы это так написано, что девяти десятых того, что считается литературой в Россіи и в эмиграціи, рядом с этим точно и не бывало.

В. Вейдле

М. А. Алданов. «Начало конца», ч. I. — Изд. «Русск. Записок», Шанхай, 1939 г.

Эта книга — едва ли не самое удачное из всѣх художественных произведеній Алданова, так как в ней он ни разу не выходит из границ той области, гдѣ он, дѣйствительно, хозяин — области ироніи. Иронія убивает жизнь (*le ridicule tue*), но именно потому она иногда необходима: бывают моменты, моменты распада «органичности» жизни, когда приходится слѣдовать методам анатомов и физиологов, для того, чтобы увидѣть в ней то, чего иначе увидѣть нельзя; моменты, когда сознательный человек **вынужден** вынырнуть из жизненнаго потока. А между тѣм, лишь отдаваясь его теченію, и можно создать «роман - поток». Наше время — не для него, и не случайно эта форма сейчас вытѣсняется формой «романа - fugи» («Контрапункт» Хексли, гдѣ на эту форму указывает само заглавіе, «Фальшивомонетчики» А. Жида, вѣрнѣе, пожалуй, «романа - фильма»). Роман Алданова и принадлежит как раз к этой категории. Показательно, что главные персонажи его романа почти всѣ — люди, для которых уже наступило «начало конца» их собственной жизни: бывший военный специалист царской службы, сейчас числящійся в красной арміи; постарѣвшій международный революціонер; большой, но уже начинающій выходить из моды и сознающій это, французскій писатель. Всѣ они — конченые люди, глядящіе со стороны, «с того берега», прежде всего на самих себя, а вмѣстѣ с тѣм и на окружающую жизнь, и убѣждающіеся, что все, чему они служили, или что вѣровали, чему отдавали свои силы, к чему стремились, или оказалось

уже ненужным, утратившим интерес, или стало предметом признанія, поклоненія, но было осуществлено другими в таком обезображенном, извращенном видѣ, что лучше было-бы ему вовсе не осуществляться. К ним в извѣстном отношеніи можно причислить и полпреда Канчарова - Московскаго (восхитительный для этого «не-арійца» псевдоним; кстати сказать, послѣ незабвеннаго Кременецкаго, это один из лучше всего схваченных Алдановым образов), которому далеко еще до естественнаго конца, но который также ждет его, обуянный двойным страхом: впасть в немилость и умереть от воображаемой болѣзни. Люди эти могут встрѣчаться, бесѣдовать друг с другом, но — и не болѣе. Их жизни не «сплетаются» в одну жизнь, так как в сущности они уже не живут; — почему в «Началѣ конца» и нѣтъ никакой «интриги» (дословно — «сплетеніе»), а только ряд чередующихся отрывочных эпизодов, которые можно было бы растасовать и иначе; в этом — художественное достоинство книги, а не недостаток, так далека такая «внѣшняя» форма как раз болѣе соответствует «внутренней». С этими образами «конченых» людей контрастирует — и это усиливает впечатлѣніе — образ Наденьки, олицетвореніе жизненности. *élan vital*. Недаром всѣ они так влекутся к ней; каждый, разумеется, на свой лад, однако так, что никакой подлинной **связи** между кѣм-либо из них и ею, никакого «романа», быть не может; почему и введеніе Наденьки в роман не восстанавливает сознательно развиваемой автором привычной формы романа. Болѣе сложную функцію выполняет другой, стоящій особняком, персонаж романа — Альвера, потомок Раскольниковца и Лафкадио из «Фальшивомонетчиков». Он также человек «с того берега»; мыслитель - социолог, со злой ироніей относящійся ко всѣм нынѣшним идеологіям, вырабатывающій свою собственную философію жизни. Но он — не кончает, а начинает жизнь. Он — олицетвореніе начала «самоутвержденія», «динамичности». Убийство, совершенное им, для него, — как для его прототипов, — средство самоиспытанія, самоутвержденія. Однако, — не только это. Он руководствуется и практичскими соображеніями. И кромѣ того: готовясь к убійству, он уже заранѣе переживает все, что по его расчетам должно послѣдовать за этим, и, читая «Преступленіе и наказаніе», он там, гдѣ повѣствуется, как Раскольниковца приносит повинную, отмѣчает на полях: *un fameux crétin*, «разумѣя и русскаго автора, и кающагося студента». И совершив убійство и попавшись, он мучается только ожиданіем гильотины, а не упреками совѣсти. Альвера — герой нашего времени, времени, когда человек человеку перестал быть не только «братом», но даже и «волком», и стал просто, так сказать, «предметом потребленія».

«Начало конца» Вислиценуса, Тамарина, Вермандуа совпадает с «началом конца» — не Европы и ея культуры, как принято говорить, но несомнѣнно извѣстнаго житейскаго уклада, извѣстных моральных устоев, — и трудно сказать, что придет этому на смѣну. Иногда начинает казаться, что вот такіе, уже принадлежащіе к прошлому, выключенные из жизни люди одни только сохранили в себѣ человеческое начало в мѣрѣ необходимой, чтобы сумѣть противостать дѣйствию массоваго психоза ненависти, озлобленія, бездушія. Будь они здоровѣе, моложе,